

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2023. Т. 6, № 3. С. 41–64.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2023. Vol. 6, no. 3. P. 41–64.

Научная статья / Original article

УДК 93/94

doi:10.17323/2658-5413-2023-6-3-41-64

ИДЕИ ЭПОХИ ПРОСВЕЩЕНИЯ В РАННИХ РЕФОРМАХ СУДА И СЛЕДСТВИЯ ЕКАТЕРИНЫ II: НОВЫЕ ЗАКОНЫ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ НА ПРАКТИКЕ

Мария Святославовна Петрова

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Москва, Россия,
petrovamariss@gmail.com

Аннотация. В настоящей статье приведены результаты исследования указов Екатерины II от 1763 года «О увещевании тех, кои до пытки дойдут, учеными священниками, и о сочинении для того книжицы» и «О порядке производства уголовных дел по воровству, разбою и пристанодержательству», направленных на реформирование системы уголовного права Российской империи. Исследование проведено на двух уровнях: соответствие указов доктрине эпохи Просвещения путем сравнительного анализа текста указов и положениям об уголовном праве трактата Ш. Монтескье «О духе законов» и исполнение указов на практике. Вторая задача реализована на основе неопубликованных архивных материалов из РГАДА — фондов Сысского приказа и Московской розыскной экспедиции. Путем анализа делопроизводственных

материалов по общеуголовным делам, возбужденным по факту имущественных преступлений без применения насилия, было изучено, как трансформировалось следствие в соответствии с указами Екатерины II. Важно отметить, что анализ концентрируется не только на философско-правовой мысли, но и на выяснении того, как путем законодательной реализации стало возможным внедрить комплексные идеи мыслителей Просвещения в практику судебно-следственного процесса, который связан с иными социальными категориями, нежели образованные сословия. Исследование показало, что именно указы от 1763 года вошли в низовую практику и позволили положить начало коренным изменениям в судебно-следственной системе Российской империи. Их применение фиксировалось путем цитирования указов в экстрактах в делах. Также о них свидетельствуют практики, вошедшие в судебно-следственный процесс.

Ключевые слова: XVIII век, Екатерина II, история судебно-следственного процесса, Просвещение, пытка, смертная казнь

Ссылка для цитирования: Петрова М. С. Идеи эпохи Просвещения в ранних реформах суда и следствия Екатерины II: новые законы и их реализация на практике // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2023. Т. 6, № 3. С. 41–64. doi:10.17323/2658-5413-2023-6-3-41-64.

Europe and Russia: Paradoxes of Kinship

ENLIGHTENMENT IDEAS IN CATHERINE'S THE GREAT EARLY REFORMS OF INVESTIGATIVE SYSTEM: NEW LAWS AND THEIR REALIZATION IN PRACTICE

Mariia S. Petrova

National Research University “Higher School of Economics” (HSE University),
Moscow, Russia, petrovamariss@gmail.com

Abstract. This article presents the results of a study of the decrees of Catherine the Great of 1763 “On Admonition of Those Who Will Come to Torture by Educated Priests, and on Preparation a Special Book for That” and “On the Procedure for Criminal Proceedings on Theft, Robbery and Keeping of the Fugitives and Criminals” aimed at reforming the criminal law system of the Russian Empire. The study was conducted on two levels: compliance of the decrees with the doctrine of the Enlightenment by comparative analysis of the text of the decrees and the provisions on criminal

law of the treatise Montesquieu “The Spirit of Law” and the execution of decrees in practice. The second task is implemented on the basis of unpublished archival materials from the Russian State Archive of Ancient Acts — the funds of the Sysknoy Prikaz (Investigative Prikaz) and the Moskovskaya Rozysknaya Expedicia (Moscow Investigative Expedition). By analyzing the records of ordinary criminal cases initiated on the fact of property crimes without the use of violence, it was studied how the investigation was transformed in accordance with the decrees of Catherine the Great. It is important to note that the analysis focuses not only on philosophical and legal thought, but also on how, through legislative implementation, it became possible to introduce complex ideas of Enlightenment thinkers into the practice of the judicial and investigative process, which is associated with lower social categories than educated people. The study showed that the decrees of 1763 that entered the everyday practice and allowed to initiate fundamental changes in the judicial and investigative system of the Russian Empire — their application was recorded as well as by quoting the decrees in extracts in cases, and they are also evidenced by the practices included in the judicial and investigative process.

Keywords: 18th century, Catherine the Great, history of the investigative process, Enlightenment, torture, death penalty

For citation: Petrova, M. S. (2023) “Enlightenment Ideas in Catherine’s the Great Early Reforms of Investigative System: New Laws and Their Realization in Practice”, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 6(3), pp. 41–64. (In Russ.). doi:10.17323/2658-5413-2023-6-3-41-64.

Екатерина II за все время своего правления провела ряд реформ в различных сферах государственной жизни, коренным образом изменивших принципы, на которых основывалось управление государством. Известно, что императрица была привержена идеалам эпохи Просвещения, которые становились ориентиром для ее реформаторского курса.

Изменение судебно-следственного процесса традиционно связывают с реформами 1770–1780-х годов. Но при детальном изучении законодательных источников первого периода правления императрицы становится очевидно, что основы будущих изменений были заложены в первые годы ее правления. В ранних указах прослеживается риторика, соответствующая идеалам эпохи Просвещения, и именно эти нормативно-правовые акты, войдя в практику, сделали возможным дальнейшее реформирование суда и следствия. Статья

посвящена изучению не только законодательного материала, но и реализации первых реформ, что фиксировалось в материалах уголовного судопроизводства низовой практики.

Представленная статья является частью фундаментального историко-правового исследования, синтезирующего анализ законодательства и практики процесса по имущественным преступлениям в первые два десятилетия правления Екатериной II.

Екатерина II воспринималась современниками как «философ на троне». Ее философская мудрость и действительная близость к просвещенческим идеалам признавалась интеллектуалами того времени. Можно заключить, что концепция не была изобретена лишь в поздней историографии. Так, в «Письмах из Сатурна» (1772), приписываемых Н. И. Новикову, содержится следующий отрывок:

Северная Минерва новым лучом славы облеклась, и ее подданные, не смотря на войну, наслаждаются под ее тенью воспеваемыми древними стихотворцами златым веком... Сия старается довершить начатое упоминаемым прежде их Царем; она знает, что блаженство народа состоит в чистейших законах; собрала своих подданных и, руководствуя оными, повелела им самим для себя сделать Законы; она для довершения народного просвещения ничего не жалеет. Восстановила училища, где воспитываются на ее собственное иждивение младые юноши и девицы; одним словом, она толикое число благодеяний излила, и изливает на свой народ, что оное ни чей разум не в силах изобразить.

[Н. Н., 2022, с. 45]

Чаще всего, когда речь идет о философском вкладе Екатерины II, в историографии упоминается «Наказ уложенным комиссиям» 1767 года (далее — «Наказ»). В XIX веке и в начале XX века исследователи истории права во многом акцентировали внимание именно на этом памятнике правовой мысли. Яркими примерами таких исследований являются работы В. Н. Латкина [Латкин, 1887], В. С. Иконникова [Иконников, 1890], В. Витта [Витт, 1909]. Главным тезисом их работ становится колоссальная важность «Наказа» для политико-правовой мысли России в XVIII веке и в последующую эпоху. Но при этом исследователи не уделяют внимания наличию или отсутствию данного документа в правоприменительной практике. Развивавшийся в начале XX века социологический подход [Гернет, 1907], который в дальнейшем трансформировался в доктрину марксизма-ленинизма [Солодкин, 1966], стал важным шагом к введению в ис-

следовательское поле обширных делопроизводственных материалов [Гернет, 1951]. В конце XX века возобновляется активная работа с законодательным материалом. Например, О. А. Омельченко публикует ряд нормативно-правовых актов Екатерины II, которые ранее не привлекали внимания исследователей [Омельченко, 2004]. Также происходит публикация актов Петра I [Серов, 1996]. В первое десятилетие XXI века значительно расширяется круг исследований, затрагивающих судебно-следственный процесс XVIII века и привлекающих обширную источниковую базу. Во многом это микроисторические исследования [Каменский, 2006; Курукин, 2008; Акельев, 2012], но также издаются работы по истории права [Анисимов, 2000; Коллманн, 2016; Бабкова, 2003] и о политико-правовой доктрине Екатерины II [Марасинова, 2017]. Тем не менее в изучении уголовного права времен Екатерины II не подвергается исследованию низовая общеуголовная практика. Нормативно-правовой и правоприменительный аспекты в настоящий момент освещаются исследователями, но их внимание обращено на специфические категории дел (политические преступления, детоубийство), в то время как широкая практика остается незатронутой.

В настоящем исследовании представлен последовательный анализ двух актов, изданных в первые годы правления Екатерины II: ее именной указ от 15 января 1763 года «О увещевании тех, кои до пытки дойдут, учеными священниками, и о сочинении для того книжицы» [Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ), 1830, № 11744] (далее — «О увещевании...») и именной указ Екатерины II от 10 февраля 1763 года «О порядке производства уголовных дел по воровству, разбою и пристанодержательству» [ПСЗРИ, 1830, № 11750] (далее — «О порядке производства...»).

В предшествующей историографии данные указы не становились объектом интереса исследователей, но именно они имеют две наиболее важные характеристики для изучения истории права екатерининского времени: оба находились в регулярном применении при решении судебно-следственных дел, а также в них обоих содержались положения, свидетельствующие о просвещенческом характере доктрины императрицы.

Ранние указы Екатерины II и их теоретические основы

В первую очередь в ранних указах затрагивается важнейшая проблема уголовного судопроизводства середины XVIII века — следственные методы и необходимость их реформирования. Телесные методы изыскания истины и их несостоятельность были в целом одной из наиболее важных тем для мыслителей эпохи Просвещения. В России в середине XVIII века пыточные мероприятия как часть процесса были одной из основных проблем, которые не по-

зволюли преобразовать процесс в сторону большей эффективности. У данного вопроса имелось две стороны: теоретическая, связанная с переосмыслением «воззвания к телу» рядом идей Просвещения, и практическая. Второй частью становится вопрос наказания и его воспитательной роли как для наказуемого, так и для других людей.

Начиная с освещения вопроса телесных методов изыскания истины, стоит указать, что в трактате «О духе законов» Ш. Монтескье формулирует осуждение пытки следующим образом:

Вследствие того, что люди дурны, закон обязан считать их лучшими, чем они есть. Так, заявление двух свидетелей полагается достаточным для наказания всех преступлений. Закон верит им, как будто устами их говорит сама истина. Положено также считать законным всякого ребенка, зачатого во время брака; закон доверяет матери, как будто она — воплощенное целомудрие. Но пытка преступников не является такой же необходимостью. Мы знаем ныне очень благоустроенное государство, которое отменило ее без всяких для себя неудобств. Следовательно, она не является необходимой по своей природе.

Против этого обычая писало столько искусных писателей и великих гениев, что я не смею говорить после них.

[Монтескье, 1955, с. 239]

Согласно мысли Монтескье, сам по себе пыточный процесс морально устарел, и в своем трактате он делает отсылку к уже сформулированным постулатам «великих гениев». В свою очередь, в указе «О увещевании...» Екатерина II использует следующую формулировку:

...дабы всех тех, кои в разныя преступления впадают, обратить к чистому признанию больше милосердием и увещеванием, а особливо изысканием по произошедшим в разныя времена околичностям, нежели строгостию и истязанием и стараться как возможно, при таких обстоятельствах, кровопролитие уменьшить.

[Указы ... , 1764, с. 11–12]

Также осуждение пыточных мероприятий содержится и в указе «О порядке производства...»:

...лучше в неизвестии, и не имея точнаго обличения виновнаго свободить, нежели невиннаго истязать по утверждению одних пыток; ибо одна пытка не

может быть изобличением оговорному, а особливо когда оговорный человек неподлога состояния...

[ПСЗРИ, 1830, № 11750]

В двух приведенных цитатах особое внимание привлекают три момента:

- милосердие и увещевание — приоритетные меры;
- несостоятельность пытки как метода изыскания истины;
- освобождение виновного лучше, нежели «истязание» невинного.

Пытка была регламентирована указом «О пытках воров, в случае заpiresательства кнутом и жжением их на огонь» от 23 октября 1673 года [ПСЗРИ, 1830, № 561] и согласно данному акту производилась в три этапа. Условия проведения подразумевали большие временные затраты, а колоссальной проблемой, которая существовала на протяжении всего XVIII века, было затягивавшееся ведение процесса. Соответственно, само по себе проведение пыточных мероприятий значительно перегружало судебно-следственные органы, не способствовало повышению эффективности процесса и в целом деятельности административного аппарата. Процесс пытки был описан детально, и его проведение требует особого освещения для понимания того, насколько комплексным было данное следственное мероприятие.

После назначения проведения пыточных мероприятий, подследственный подвергался осмотру для выявления физического состояния, затем его отводили в «застенки», где кроме него и заплечного мастера могли находиться также судьи, секретарь и подъячий, который записывал «пыточные речи» [Обряд ... , 1873]. Для пытки там была сделана дыба, состоящая из трех столбов, два — вкопаны в землю, третий лежал сверху поперек. Пытку производил специально обученный человек — заплечный мастер, у которого в инструментарии находились шерстяной хомут, к которому была пришита длинная веревка, кнуты, плети, батоги, кошки и ремень, которым необходимо связывать ноги пытаемому [Акельев, 2012, с. 326]. Первая стадия пытки — это «виска» (имеет синонимичное значение «подъем на дыбу»), когда обвиняемого подвешивали на дыбе, но еще не наносили удары кнутом. Вариантов позиции пытаемого было два: либо руки преступника вкладывали в хомут у его груди, либо его заводили за спину, а после этого «заплечный мастер» с помощниками поднимали преступника так, чтобы «пытанной на земле не стоял, у которого руки и заворотит совсем назад, и он на них висит» [Анисимов, 2004, с. 281].

Допрашиваемый оказывался в подвешенном состоянии, не касаясь ногами земли, руки его были вывернуты, ноги, связанные ремнем, были привязаны к столбу, находящемуся на полу. Удары кнутом, плетью, батогами или

кошками наносились по спине. Иногда в рамках пытки дополнительно использовали бревно. Когда обвиненный висел на дыбе, на ремень, которым были перевязаны ноги, клали бревно. На него становился заплечный мастер [Обряд ... , 1873]. В документах о расходах Московской розыскной экспедиции упоминается о закупке железных петель с гвоздями для дыбы (РГАДА. Ф. 373. Оп. 1. Ед. хр. 1116. Л. 43). Основным инструментом пытки и наказания являлся кнут. О его устройстве существуют различные сведения. Преимущественно он описывается как плетение из прочных кожаных ремней длиной от одного до двух с половиной метров. В некоторых источниках, например, в записках Джона Перри, указывается, что он представляет собой цельный кожаный ремень, прикрепленный к толстой палке, за которую и держался заплечных дел мастер [Анисимов, 2004, с. 281]. Кнут был инструментом, требующим бережного отношения и регулярного обслуживания. Перед тем как начинать бить преступника, его концы необходимо было наточить, но он достаточно быстро затуплялся. Из источников известно, что в «Наборе палача», который был обязательным для заплечных дел мастера, всегда находилось 40 запасных концов для кнута, которые требовалось менять регулярно во время экзекуции. Дело в том, что большое количество ударов смягчало конец кнута и его эффективность (болевая и кровопролитная) снижалась. Конец кнута должен был быть сухим и острым [Там же, с. 283]. Заточку концов на кнуты заказывали на фабриках, оплата за 30 штук составляла 6 рублей (РГАДА. Ф. 373. Оп. 1. Ед. хр. 1116. Л. 47)¹. Заточенным кнутом можно было рубить, как мечом, удары искусного мастера могли рассекать спину преступника до костей. При этом особым искусством было не убить осужденного в ходе пытки. Смерть преступника не была целью следственного мероприятия. Наоборот, необходимо было наносить удары достаточной точности и болезненности, чтобы преступник оставался в сознании и был в состоянии разговаривать и давать показания.

На основании этой информации возможно сделать два вывода:

- пыточный процесс ко второй половине XVIII века имел укрепившуюся традицию и четкий регламент;
- согласно имеющейся информации о самом процессе, а также материалам источников, процедура включала в себя много этапов и была затратна по времени и средствам (оборудование, регулярное обслуживание инструментов).

¹ В 1768 году именно это количество было закуплено на весь календарный год, что может свидетельствовать о сокращении применения данного инструмента.

Вкупе с указанными выше издержками, утверждение о неэффективности пытки как метода изыскания истины становилось более убедительным. При действиях согласно протоколу третичная пытка одного подследственного занимала 3 месяца, но из-за особенностей следствия, загруженности судебно-следственного органа, самочувствия подследственного и других обстоятельств, это следственное мероприятие могло растягиваться до полугода. Затягивание дел отдельно отмечалось в указах Екатерины II:

Известно нам, сколь великое число от нескорого решения дел, что происходит большею частью от несыска оговорных и по другим разным околичностям, во всем нашем государстве содержится в острогах, в тюрьмах...

[ПСЗРИ, 1830, № 11750]

Так как пытка была самым затратным по времени следственным мероприятием, *сокращение* ее применения становилось наиболее очевидным способом для повышения эффективности судебно-следственного процесса. Отдельно стоит отметить, что в обоих указах Екатерина II хоть и осуждает пыточные мероприятия, но допускает их применение:

...когда при следствии какого дела, неминуемо дойдет до пытки, в таком случае поступать с крайнею осторожностью и рассмотрением.

[ПСЗРИ, 1830, № 11750]

Позднее, в «Наказе...» Екатерина II напрямую выразит отрицательное отношение к феномену телесных методов изыскания истины, но трансформация следствия проводилась императрицей исходя из реалий. Во второй половине XVIII века в России пытка стала органической частью следствия, и отменить ее одним указом было невозможно. Поэтому еще в 1763 году Екатерина II производит два важнейших шага: реформирование иерархии административных органов и введение обязательности увещевания.

В первой главе первой книги трактата «О духе законов» Монтескье упоминает об исключительной роли высоких религиозных чувств человека, которые напрямую связаны с разумом. Именно их присутствие (как связь с Богом) делает разумное существо отдельным от мира природы и, в первую очередь, животных, для которых физическое является единственной ипостасью:

Как существо физическое, человек, подобно всем другим телам, управляется неизменными законами; как существо, одаренное умом, он беспрестанно

нарушает законы, установленные богом, и изменяет те, которые сам установил... Такое существо способно ежеминутно забывать своего создателя — и бог напоминает ему о себе в заветах религии...

[Монтескье, 1955, с. 165]

Категории, приведенные во фрагменте выше, ложатся в основу принципа увещевания подследственных: божественные заветы и возвышенные религиозные чувства в целом становятся органической частью разума человека. В свою очередь, именно разум, а не тело, наталкивает его на противоправные деяния. Поэтому за получением как правдивой информации, так и раскаяния, следует отказаться от методов, которые обращаются к телу, а не к разуму. В указе Екатерины II содержится следующая формулировка:

...чтобы тех, которыя по делам дойдут до пыток, не чиня им оные прежде, о показании истинны увещевать ученым священником.

[Указы ... , 1764, с. 12]

Формулируя одну из просвещенческих идей, которая касалась необходимости воззвания не к телу, а к душе, два акта 1763 года вводят в судебную практику обязательное увещевание подследственных. Сама по себе процедура не была нова для практики следствия в России. О ее применении в уголовном процессе XVII века пишет Н. Ш. Коллманн [Коллманн, 2016, с. 169]. Е. В. Анисимов описывает практику увещевания в делах по политическим преступлениям XVIII века [Анисимов, 2000, с. 138]. Тем не менее в корпусе изученных дел за 1750-е годы в общеуголовных делах по имущественным преступлениям без применения насилия практика увещевания подследственных выявлена не была. Несмотря на то, что увещевание само по себе не было принципиально новой мерой, важным нововведением стала необходимость привлекать к нему исключительно специально обученных священников. Сама идея «обратить к чистому признанию больше милосердием и увещеванием», как говорилось выше, во многом опиралась на высокий уровень организованности производящих увещевание.

А как де Ея Императорскому Величеству небезызвестно, что по иным городам таковых ученых священников нет, то для оного увещевания сочинить особливую книжицу, с довольными доводами от священного писания. И тем ведением Синод объявил, что между тем, доколе та книжица сочинена будет,

для неперменного по тому указу исполнения, к Синодальным членам и епархиальным архиереям указы посланы.

[Указы ... , 1764, с. 11]

Речь идет не только о составлении «специальной книжицы» для священников, работа с которой позволяла констатировать наличие квалификации у священника для увещевания подсудимых в рамках следствия. Данный тип работы священника с преступником становится отличным от иных видов взаимодействий, как, например, беседы с приговоренным к смертной казни. При этом священник не становился штатным сотрудником Сысского приказа (Московской розыскной экспедиции) [ПСЗРИ, 1830, № 11991], а за выбор и назначение отвечала Московская духовная консистория[□]. Именно это обстоятельство стало показательным аспектом реформы Сената декабря 1763 года [ПСЗРИ, 1830, № 11989]: пытка могла применяться исключительно после проведения увещевания. В свою очередь, увещевание становилось эксклюзивной прерогативой Московской розыскной экспедиции. При этом назначение священников становилось прерогативой Духовной консистории, которая в данном вопросе находилась в прямой взаимосвязи с Московской розыскной экспедицией: священники назначались исключительно в указанную инстанцию.

Идея мыслителей эпохи Просвещения о несостоятельности пытки полностью разделялась Екатериной II, но из-за сложившейся правовой традиции данная следственная мера «вросла» в процесс и воспринималась обществом как его органическая часть. В период работы Уложенных комиссий из протоколов можно узнать, что их представители выступали категорически против упразднения пытки, так как считали, что это может спровоцировать повышение криминогенности.

Но категория «напрасного кровопролития» не ограничивалась изменениями, касающимися пыточного процесса, и закономерно затрагивала другую немаловажную проблему для юридической мысли эпохи Просвещения — вопрос наказаний за деяния.

Согласно статьям 21 главы Соборного уложения и актам Петра I, наказания за имущественные преступления без применения насилия чаще всего производились при помощи кнута. Исключениями, позволявшими заменить инструмент на плети, розги, батоги и др., могли быть обстоятельства, связанные с половыми и возрастными особенностями, а также в случае наличия тяжелой болезни у осужденного. Как и при пытке, удары кнутом в рамках наказания производились по спине, что оставляло после себя рубцы, которые при дальнейшем «подозрительстве» становились свидетельством о том, что человек

является рецидивистом. Таким образом, битье кнутом считалось «обесчестивающим», и их наличие могло стать поводом для возбуждения дела по «подозрительству», даже если субъект не был подозреваемым ни в каких противоправных деяниях (РГАДА. Ф. 373. Оп. 1. Ед. хр. 1509).

Кнут становился воплощением того, против чего выступала мысль эпохи Просвещения: он бесчестил человека, а также физически был связан с настоящим кровопролитием. Наиболее очевидным и приемлемым в реалиях второй половины XVIII века было решение о замене кнута плетью. Несмотря на то, что это отнюдь не решало проблему со страданием, причиняемым субъекту в целом, плети не оставляли после себя таких шрамов и не рассекали кожу подобно кнуту. Тем не менее проблема практики наказаний включала в себя также и смертную казнь, которая, как и пытка, находилась в рамках стандартной практики согласно Соборному уложению и указам Петра I. В контексте имущественных преступлений без применения насилия она также применялась в случаях рецидива. Осуждение смертной казни в мысли эпохи Просвещения было столь же категорично, как и осуждение пытки, которое разделял и Монтескье:

Опыт показал, что в странах, где наказания не жестоки, они производят на ум гражданина не менее сильное впечатление, чем самые жестокие наказания — в других странах. (...)

Необходимо, чтобы между наказаниями существовала взаимная гармония; законодатель должен стремиться к тому, чтобы в первую очередь не совершалось крупных преступлений, которые наносят обществу больший вред, чем менее серьезные.

[Монтескье, 1955, с. 233, 238]

Трансформация приговоров к смертной казни началась еще в правление Елизаветы Петровны, которая двумя последовательными указами от 7 мая 1744 года [ПСЗРИ, 1830, № 8944] и 29 марта 1753 года [ПСЗРИ, 1830, № 10087] наложила мораторий на смертную казнь. Данный факт важен как концептуально, отражая основные идейные вехи эпохи Просвещения, так и юридически — оформление процесса в том виде, который начала реформировать Екатерина II.

Осуждалась также практика телесных наказаний в целом, равно как и смертной казни, считавшихся особо жестокими. Как говорилось выше, стандартная пенитенциарная система, сложившаяся к середине XVIII века, строилась в первую очередь на «клеймении» преступника — оставшиеся после наказания кнутом рубцы становились во многом знаком бесчестия человека. Телесные наказания осуждалась Монтескье в следующих словах:

Хороший законодатель избирает средний путь: он не всегда карает денежными штрафами и не всегда приговаривает к телесному наказанию.

[Монтескье, 1955, с. 240]

Об отношении Екатерины II к телесным наказаниям свидетельствует следующий фрагмент указа:

...что лучше в неизвестии, и не имея точнаго обличения виновнаго свободить, нежели невинного истязать.

[ПСЗРИ, 1830, № 11750]

Важно отметить, что императрица допускает возможность судебной ошибки и указывает, что в таком случае освобождение преступника более допустимо, нежели наказание невинного человека. Екатерина II вслед за Монтескье утверждает, что следствию требуется сохранять баланс между серьезностью преступления и жестокостью наказания, что становится особенно важным в контексте имущественных преступлений без применения насилия. Согласно Соборному уложению, второй рецидив кражи должен караться смертной казнью [Соборное уложение ... , 1961, гл. 21, ст. 12], но если мы предполагаем, что подследственный был в приводе за повторную карманную кражу, например платков или же малых сумм денег, то релевантность исполнения смертной казни за рецидив такого типа представляется не сбалансированным со степенью общественной опасности самого правонарушения.

Кроме введения обязательного увещевания, указ от 10 февраля поощрял проведение таких мероприятий, как очные ставки и повальные обыски. Особую важность здесь составляют повальные обыски — опрос общины о состоянии подследственного. Они также, как и увещевание, не были новой мерой. Их применение было широко распространено в XVII веке [Коллманн, 2016, с. 173], но в первой половине XVIII века их стали проводить значительно реже. Сама система повального обыска становилась инкарнацией важнейшего принципа, провозглашаемого Екатериной II, — определения, является ли человек «неподлаго состояния». Сочетание повальных обысков и очных ставок позволяет получить значительно более широкий пласт информации о человеке, чем то, что рассказывает он сам во время пытки, а также в определенной мере может сократить вероятность судебной ошибки, как и случайной, так и намеренной (оговор подследственного другими людьми).

Трансформация следственных методов: материалы практики

Указы Екатерины II от 15 января и 10 февраля 1763 года были включены в практику судопроизводства, что является прямым свидетельством реализации всех проанализированных выше новаторских принципов следствия. Данные указы становились не просто учреждающими актами или отражением личных взглядов императрицы, их применение в низовом судопроизводстве находилось на очень высоком уровне. Об этом свидетельствуют изученные в рамках исследования ранее неопубликованные архивные материалы фондов Московской розыскной экспедиции (РГАДА. Ф. 373) и Сысского приказа (РГАДА. Ф. 372). В базовой выборке исследования имущественных преступлений без применения насилия для настоящей статьи привлечены 64 дела за 1764 год, 48 за 1768. Также для сравнения с ранней практикой в исследование включены 30 дел за 1755 год.

Важной особенностью всех дел в выборке является факт отсутствия смертной казни даже в тех случаях, когда ст. 12 гл. 21 Соборного уложения была включена в дело. Также при дополнительном изучении архивных дел, не включенных в выборку исследования, возбужденных по факту разбоев и грабежей (где смертная казнь состояла в большем приоритете за рецидивы), данная мера наказания также не использовалась (РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Ед. хр. 3284; Ф. 373. Оп. 1. Ед. хр. 56, 201, 1150).

В первую очередь стоит сказать о проведении увещевания. Мера, которая в целом не была новой для следствия, в 1755 году в изученных в рамках исследования делах не применялась ни разу ни в Сысском приказе, ни в полиции. В 1764 году увещевание было проведено в 85% дел, в 1768 году — в 95%. Ссылка на указ от «О порядке производства...» в 1764 году содержалась в 97% дел, в 1768 году этот показатель составил уже 100%. Данная статистика свидетельствует о том, что указ, который полностью соответствовал идеям эпохи Просвещения, стал не просто памятником мысли Екатерины II, но и действительно использовался на практике и преобразовывал следствие. Разница в 10% дел в сравнении 1764 и 1768 годов не является показательной по той причине, что назначение увещевания происходило только в тех случаях, когда подследственный имел «разноречия» в показаниях. Поэтому гораздо более репрезентативным является включение акта в само делопроизводство.

Далее стоит перейти к реализации других пунктов указов «О порядке производства...» и «О увещевании...». Ниже представлена таблица, содержащая сравнительную статистику по наказаниям, произведенным за имущественные преступления без применения насилия в 1764 и 1768 годах.

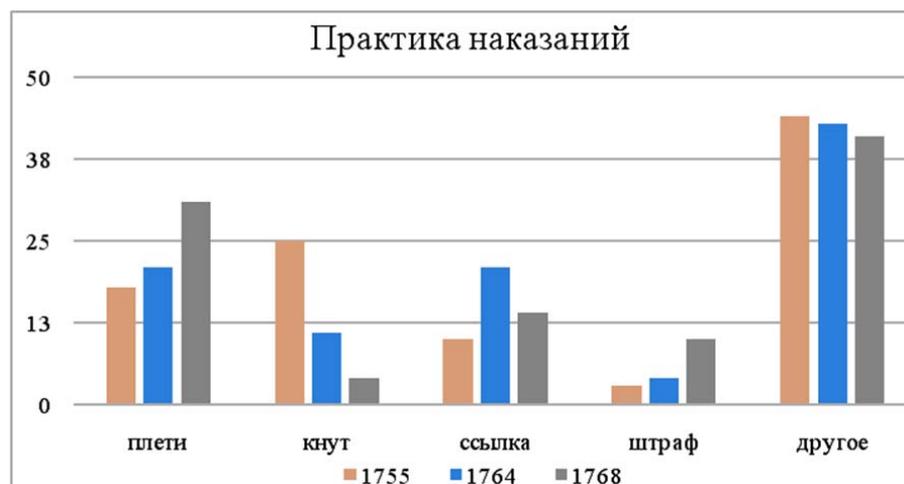

Диаграмма 1. Практика наказаний в 1755, 1764 и 1768 годах (в %)

Прежде чем перейти к анализу приведенных выше данных, стоит отметить, что наибольший процент за все периоды составляет категория «другое», которая содержит преимущественно два типа наказаний: это отсылка в другие органы (военный трибунал, магистраты других городов, судный приказ) или отпуск крепостного под расписку помещика о его добровольном отказе от дальнейшего производства следственных мероприятий над подсудственным. Последний тип может значительно исказить статистику по наказаниям за правонарушения в целом, так как нередко случались ситуации, где вина подсудственного была доказана и ему уже был вынесен приговор с тяжким наказанием, но в соответствии с указом Елизаветы Петровны от 13 мая 1754 года «О возвращении беглых их владельцам, и об ответственности держателей приемщиков и укрывателей оных» [ПСЗРИ, 1830, № 10233], помещик имел право под личную ответственность забрать крепостного без наказания. В приведенной выше таблице включены только *реализованные* наказания. Случаи, когда судебное решение было уже вынесено, но после него был применен указ «О возвращении...», находятся в категории «другое».

До реформ Екатерины II кнут был самым распространенным способом наказания, который применялся за большинство преступлений. Отказ от кнута в пользу плетей, розог или батогов производился только в случаях, если под следствием была женщина, несовершеннолетний, пожилой или имеющий хронические заболевания человек. Кнут применялся даже в делах малой тяжести. В 1755 году наказание кнутом составляло четверть от всех изученных дел. Характерно, что в ряде случаев, когда подсудственные были здоровыми взрослыми мужчинами, все равно назначалось наказание

плетьми². В 1764 году наказания кнутом по-прежнему сохранялись, но, согласно приведенным данным, существовала тенденция замены его плетьюми. Чаще всего наказание кнутом назначалось в тех случаях, когда ответчик приговаривался к ссылке. В 1768 году показатель наказаний кнутом достигает значения в 4%.

Обратная тенденция наблюдается в применении плетей. В 1755 году данная мера наказаний была произведена в 18% дел, в 1764 количество возросло до 21%. Разница в 3% статистически не является радикальной, но при обращении к текстам самих дел становится заметно, что само наказание могло назначаться различными формулировками. В 1755 году назначение наказания плетьюми, заменяющими наказание кнутом, вносилось в текст дела следующим образом: «...наказать плетми публично...» (РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Ед. хр. 3403. Л. 52), «...бить плетьюми нещадно...» (РГАДА. Ф. 372. Оп. 1. Ед. хр. 3351. Л. 10). В 1764 году формулировки изменяются: «с наказанием плетми» (РГАДА. Ф. 373. Оп. 1. Ед. хр. 311. Л. 13), «...наказать вместо кнута плетми...» (РГАДА. Ф. 373. Оп. 1. Ед. хр. 226. Л. 50).

Из приведенных выше цитат можно сделать вывод, что данная мера претерпела значительную перемену. Ее назначение уже не сопровождалось формулировками, указывающими на тот факт, что битье плетьюми хоть и не обещает, но во многом сохраняет болевую природу. Данная информация позволяет заключить, что разрыв в 10% между двумя периодами имеет значение, превышающее числовое. В 1768 году плети уже составили 31% всех наказаний, в то время как кнут был применен только в четырех случаях.

Далее стоит рассмотреть такую меру наказания, как ссылка на поселение и на каторгу. В общем контексте это важно, так как данная мера, в соответствии с указами Елизаветы Петровны, становилась заменой смертной казни. При наиболее пристальном изучении практики и указов, включенных в дела, возможно в перспективе определить процент дел, где в силу моратория на смертную казнь жизнь ответчика была сохранена.

Отдельно в диаграмме выделена такая мера пресечения, как штраф. Причиной этому служит не общая распространенность, но тот факт, что в указе «О порядке производства...» Екатерина II в том числе указывает на необходимость введения штрафов как наказаний.

² В данном контексте сложно судить о том, было ли это исключением из правил, так как в делах не фиксировался факт физического досмотра. Можно допустить, что те, кому были назначены наказания плетьюми вместо кнута, были физически ослаблены или имели субтильную конституцию тела. Также возможно допущение «очищения кровью», так как некоторые из них предварительно были пытаны. Но и этот факт никак не фиксировался в тексте дел. Хотя данная концепция распространена в историографии, но верифицировать ее путем изучения материалов делопроизводства не представляется возможным.

Тем не менее во все три периода штрафы (как первостепенная мера) назначались только в тех случаях, когда дело возбуждалось по факту кражи лошадей. В диаграмму не включены те дела, где штраф выплачивался наравне с наказанием, что происходило, если лошадь не была возвращена владельцу (это могло быть вызвано многократной перепродажей животного, его смертью, или же побегом от похитителя). В третьем случае Сыскной приказ (позднее — Московская розыскная экспедиция) также проводил поиски сбежавшей лошади, и их результаты также влияли на потенциальное наказание. Если же лошадь находилась, то ответчик платил штраф, во многом зависящий от состояния животного. Данный вид наказания скорее иллюстрирует распространенность конокрадства, но тем не менее, его упоминание в указе обязывает обратить на него внимание.

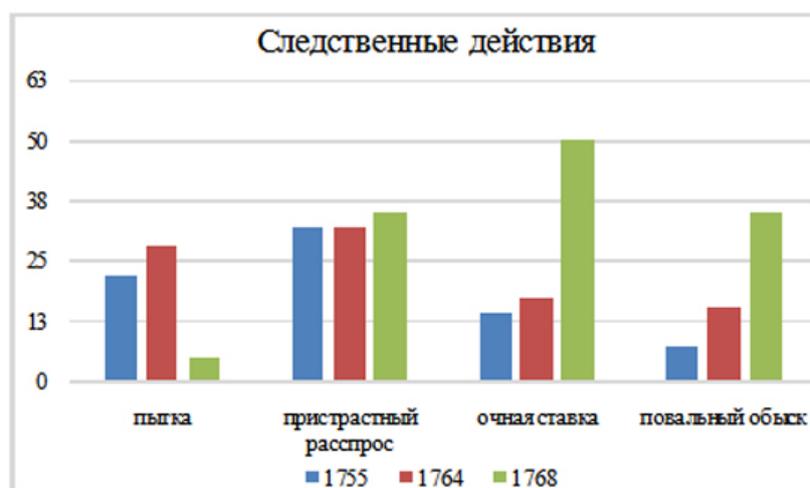

Диаграмма 2. Следственные действия в 1755, 1764 и 1768 годах (в %)

Согласно указам Екатерины II, наиболее важной мерой в следственном процессе было увещание, статистика которого представлена в первой части раздела. На диаграмме выше представлена статистика по применению основных следственных действий. В целом, их можно разделить на две категории:

- телесные методы изыскания истины (пытка и пристрастный расспрос);
- приоритетные мероприятия согласно указам «Об увещании...» и «О порядке производства...» (очная ставка и полевой обыск).

Пытка, которая категорически осуждалась Екатериной II в обоих указах, в первый период применялась в 22% случаях. В 1764 году процент возрос до 28%, но это число не является показателем неисполнения принципов. В указе «О порядке производства...» важным нововведением становился запрет на произведение пыток в воеводских канцеляриях и любых других учреждени-

ях, не являвшихся центральными. Соответственно, тот процент случаев, когда в 1755 году пытка проводилась в воеводских канцеляриях и других местных органах, в 1764 году она осуществлялась уже в Московской розыскной экспедиции. По этой причине рост процента проводимых пыток не является показателем отсутствия эффективности указов Екатерины II. К 1768 году процент проводимых пыточных мероприятий сокращается до 4%, что является колоссальным прогрессом по сравнению с предшествующими периодами.

Пристрастный расспрос находится во все три периода на одном уровне. В данном контексте важно отметить, что в диаграмме нет разделения на пристрастный расспрос, проведенный в полиции, и на проведенный в Сыскном приказе (Московской розыскной экспедиции). Сам по себе пристрастный расспрос связан с серьезной правовой коллизией в законодательстве XVIII века. Если пытка была регламентирована и, как и де-юре, так и де-факто, была тем самым «кровопролитием» и «обесчестиванием», а значит регулировать ее применение в целом представлялось возможным, то расспрос с пристрастием был не только не регламентирован, но даже не имел единой процедуры назначения. Пробел в праве позволял применять его в любых инстанциях, и во все периоды расспрос с пристрастием мог проводиться и в главном судебно-следственном органе, и в полиции, и в воеводских и местных канцеляриях. Также пониманию масштабов применения этой меры препятствует тот факт, что, в отличие от пытки, увещевания, или других мер, пристрастный расспрос не имел специального формуляра. В некоторых случаях о том, что тот или иной внесенный в дело текст допроса на самом деле был расспросом с пристрастием упоминается только в описи документов при передаче дел из полиции в главный судебно-следственный орган (РГАДА. Ф. 373. Оп. 1. Ед. хр. 299. Л. 7; Ед. хр. 1213. Л. 29; Ед. хр. 2198. Л. 27). При этом будет несправедливо предполагать, что это была лишь иначе юридически оформленная пытка. Стоит отметить, что в тексте дел не всегда использовалась формулировка «...под битьем плетьюми» (РГАДА. Ф. 373. Оп. 1. Ед. хр. 1269. Л. 583) или «бит плетьюми» (РГАДА. Ф. 373. Оп. 1. Ед. хр. 1361. Л. 61), но иногда можно встретить иную: «расспрошен с пристрастием под плетьюми» (РГАДА. Ф. 373. Оп. 1. Ед. хр. 227. Л. 11; Ед. хр. 1146. Л. 26). В историографии существует мнение, что данная мера, включенная в дело как «пристрастный расспрос под плетьюми», могла быть лишь устрашением допрашиваемого путем демонстрации ему орудия пыток [Анисимов, 2000, с. 395]. Среди всего изученного в ходе настоящего исследования корпуса материалов было найдено одно дело, в котором засвидетельствовано следующее:

...о показани ими самой истинны спрашиваны были и с коих Емельянов не допущая себя да истязания показал...

(РГАДА. Ф. 373. Оп. 1. Ед. хр. 2186. Л. 14)

Таким образом, не всегда пристрастный расспрос означал прямой телесный контакт, но мог быть и определенного рода «запугиванием» подследственного.

Более однозначные тенденции можно проследить среди очных ставок и повальных обысков. В указе «О порядке производства...» Екатерина II делает акцент именно на этих следственных методах. Приведенная выше статистика является весьма красноречивым свидетельством того, что система работала. При этом ни очная ставка, ни повальный обыск также не были новшествами для следствия, но в первой половине XVIII века их применение значительно сократилось по сравнению с процессами XVII века [Коллманн, 2016, с. 182]. Количество дел с проведением очной ставки составляет 14% в 1755 году, возрастая до 17% в 1764. В 1768 году он вырастает почти в три раза и применяется уже в половине всех дел.

Особенно стоит выделить повальный обыск. Также как и очная ставка, к 1768 году он входит в широкую практику, но в отличие от очной ставки это мероприятие было значительно более затратным и по времени, и по средствам. Подследственный с эскортом из солдат судебно-следственного органа приводился в общину, к которой он принадлежал, и все ее члены давали показания о том, «какого человек состояния» [Там же, с. 174]. Из-за разницы в численном составе общин, в некоторых случаях опросу подлежали до 150 человек, а само мероприятие растягивалось на несколько дней, что означало, как минимум, повышение расходов на следствие. Тем не менее к 1768 году Московская розыскная экспедиция применяла повальный обыск уже в 35% дел, что стало на 20% больше, нежели в 1764, и стало колоссальным ростом по сравнению с 7% в 1755 году.

Отказ от пытки в пользу увещевания, повальных обысков и очных ставок является практическим применением ряда идеалов Просвещения, которые были сформулированы Екатериной II в ее указах 1763 года. Главная задача — отказаться от кровопролития, взывать не к телу, а к душе — ярко проявилась в отдаче преимущества бескровным методам. Также это отразилось и на пенициарной системе — бесчестящие практики битья кнутом были со временем заменены плетьюми, а мораторий на смертную казнь в категории имущественных преступлений сохранялся. Идея сохранения чести человека вне зависимости от того, находится он в позиции ответчика или виновного, становится

истокom формулировки презумпции невиновности. Ранние указы Екатерины II также определили то, в каком направлении система права Российской империи будет двигаться в последующий век. Именно указы «Об увещании...» и «О порядке производства...» заложили основу для официальной законодательной отмены пытки в 1801 году.

Список источников

Акельев Е. В. Повседневная жизнь воровского мира Москвы во времена Ваньки Каина. М.: Молодая гвардия, 2012. 413 с.

Анисимов Е. В. Дыба и кнут. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 720 с.

Анисимов Е. В. Русская пытка. Политический сыск в России XVIII века. СПб.: Норинт, 2004. 464 с.

Бабкова Г. О. Политика Екатерины в области уголовного права и судопроизводства в 1762–1767 гг. // Фемис: ежегодник истории права и правоведения. Вып. 4. М., 2003. С. 41–76.

Витт В. Екатерина II, как криминалистка (уголовно-правовая доктрина Наказа в ее отношении к западноевропейской теории и к русской действительности. СПб.: Кн. маг. «Наша жизнь», 1909. 122 с.

Гернет М. Н. История царской тюрьмы: в 5 т. М., 1951. Т. 1: 1762–1825. 328 с.

Гернет М. Н. Социальные факторы преступности / Ученые записки Императорского Московского университета. Вып. 27. М.: Унив. тип., 1907. 203 с.

Иконников В. С. Страница из истории Екатерининского наказа [об отмене пытки в России]. Киев: Тип. В. И. Завадского, 1890. 28 с.

Каменский А. Б. Повседневность русских городских обывателей. Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII в. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2006. 405 с.

Коллманн Н. Ш. Преступление и наказание в России раннего Нового времени / науч. ред. А. Б. Каменский. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 616 с.

Курукин И. В., Никулина Е. А. Повседневная жизнь Тайной канцелярии. М.: Молодая гвардия, 2008. 639 с.

Латкин В. Н. Законодательные комиссии в России в XVIII ст.: Историко-юридическое исследование. СПб.: Л. Ф. Пантелеев, 1887. Т. 1. VIII, 595 с.

Марасинова Е. Н. «Закон» и «Гражданин» в России второй половины XVIII века: очерки истории общественного сознания. М.: Новое литературное обозрение, 2017, 512 с.

Монтескье Ш. О духе законов // *Монтескье Ш.* Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1955. С. 157–733.

Н. Н. [Новиков Н. И.] Письма из Сатурна // Сказки мятежей и трюфлей. Небы-
валяя русская фантастическая проза XVIII–XIX веков. М.: V-A-C press, 2022. С. 41–54.

Обряд како обвиненный пытается // Русская старина. 1873. Т. 8, № 7. С. 58–59.

Омельченко О. А. Власть и закон в России XVIII века. Исследования и очер-
ки. М.: МГИУ, 2004. 604 с.

Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). 1-е собрание: 1649–
1825 гг. URL: http://nlr.ru/e-res/law_r/coll.php?part=1 (дата обращения: 03.07.2023).

Серов Д. О. Забытые редакции Артикула воинского и “Краткого изображе-
ния процессов или судебных тяжб” (из истории кодификации военного зако-
нодательства России XVIII века) // *Lex russica*. 2013. № 2. С. 113–121.

Серов Д. О. Строители империи: очерки государственной и криминальной
деятельности сподвижников Петра I. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1996.
262 с.

Серов Д. О. Судебная реформа Петра I: Историко-правовое исследование. М.:
Зерцало-М, 2009. 488 с.

Соборное уложение 1649 года. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961.

URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649.htm> (дата обращения: 01.07.2023).

Солодкин И. И. Русское уголовное право в конце XVIII — первой трети
XIX веков. Л., 1966. 169 с.

Указы всепресветлейшей, державнейшей, великой государыни импера-
трицы, Екатерины Алексеевны самодержицы всероссийской, состоявшиеся с
генваря по июль месяц 1763 года / напечатаны по высочайшему ея император-
скаго величества повелению. СПб., 1764, 211 с.

Архивы

РГАДА — Российский государственный архив древних актов.

References

Akel'ev, E. V. (2012) *Povsednevnaia zhizn' vorovskogo mira Moskvy vo vremena Van'ki Kaina [Everyday life of the thieves' world of Moscow in the days of Vanka Cain]*. Moscow: Molodaya gvardiya.

Anisimov, E. V. (2000) *Dyba i knut [The Rack and the Whip]*. Moscow: Novoe litera-
turnoe obozrenie.

Anisimov, E. V. (2004) *Russkaja pytka. Politicheskij sysk v Rossii XVIII veka [Rus-
sian Torture. Political Investigation Process in Russia of 18th Century]*. St. Petersburg:
Norint.

Babkova, G. O. (2003) “Politika Ekateriny v oblasti ugovnogo prava i sudoproiz-
vodstva v 1762–1767 gg.” [“The Policy of Catherine the Great in the Court and Law in

1762–1767”], in *Femis: ezhegodnik istorii prava i pravovedeniya*. Vyp. 4. [Themis: Yearbook of the History of Law and Jurisprudence. Iss. 4]. Moscow, pp. 41–76.

Vitt, V. (1909) *Ekaterina II, kak kriminalistka (ugolovno-pravovaja doktrina Nakaza v ejo otnoshenii k zapadnoevropejskoj teorii i k russoj dejstvitel'nosti)* [Catherine the Great as a Criminalist (Criminal Law Doctrine of Nakaz and its Implication of Western Theory to Russian Experience)]. St. Petersburg: Kn. mag. “Nasha zhizn”.

Gernet, M. N. (1951) *Istorija carskoj tjur'my: v 5 tomakh. Tom 1: 1762–1825* [History of the Czarist Prison: in 5 vols. Vol. 1: 1762–1825]. Moscow.

Gernet, M. N. (1907) *Social'nye faktory prestupnosti. Uchenye zapiski Imperatorskogo Moskovskogo universiteta. Vyp. 27* [Social Factors of the Criminality. Scientific notes of the Imperial Moscow University. Iss. 27]. Moscow: Univ. tip.

Ikonnikov, V. S. (1890) *Stranica iz istorii Ekaterininskogo nakaza (ob otmene pytki v Rossii)* [A Page from History of Catherine's the Great Nakaz (About Termination of Torture)]. Kiev: Tip. V. I. Zavadskogo.

Kamenskij, A. B. (2006) *Povsednevnost' russkih gorodskih obyvatelej. Istoricheskie anekdoty iz provincial'noj zhizni XVIII v.* [Everyday Life of Russian Urban Inhabitants. Historical Anecdotes from Provincial Life of 18th Century]. Moscow: Ros. gos. gumanitar. un-t.

Kollmann, N. Sh. (2016) *Prestuplenie i nakazanie v Rossii rannego Novogo vremeni* [Crime and Punishment in Early Modern Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Kurukin, I. V. and Nikulina, E. A. (2008) *Povsednevnaia zhizn' Tajnoj kanceljarii* [Everyday Life of Taynaya Kantselariya]. Moscow: Molodaya gvardiya.

Latkin, V. N. (1887) *Zakonodatel'nye komissii v Rossii v XVIII st.: Istoriko-juridicheskoe issledovanie. Tom 1* [Legislative Commissions in Russia in 18th Century. Historical and Juridical Research. Vol. 1]. St. Petersburg: L. F. Pantelev.

Marasinova, E. N. (2017) «Zakon» i «Grazhdanin» v Rossii vtoroj poloviny XVIII veka: ocherki istorii obshhestvennogo soznaniia [“The Law” and “The Citizen” in Russia in the Second Half of the 18th Century: Essays on History of the Social Consciousness]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Montesquieu, S. (1955) “O duhe zakonov” [“The Spirit of Law”], in Montesquieu, S. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow: Gospolitizdat, pp. 157–733.

N., N. [Novikov, N. I.] (2022) “Pis'ma iz Saturna” [“Letters from Saturn”], in *Skazki myatezhei i tryuflei. Nebyvalaya russkaya fantasticheskaya proza XVIII–XIX vekov* [Tales of mutinies and truffles. Unprecedented Russian fantastic prose of the 18–19th centuries]. Moscow: V-A-C press, pp. 41–54.

Obrjad kako obvinennyj pytaetsja [The Ceremony of the Torture] (1873) *Russkaja starina* [Russian antiquity], 8(7), pp. 58–59.

Omel'chenko, O. A. (2004) *Vlast' i zakon v Rossii XVIII veka. Issledovanija i ocherki* [The Power and the Law in Russia in 18th Century. Researches and Essays]. Moscow: MGIU.

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii (PSZRI). 1-e sobranie: 1649–1825 gg. [The Complete Collection of laws of the Russian Empire (PSZRI). 1st assembly: 1649–1825]. Available at: http://nlr.ru/e-res/law_r/coll.php?part=1 (Accessed: 03 July 2023).

Serov, D. O. (2013) “Zabytye redakcii Artikula voinskogo i ‘Kratkogo izobrazhenija processov ili sudebnyh tjazheb’ (iz istorii kodifikacii voennogo zakonodatel'stva Rossii XVIII veka)” [“The Forgotten Issues of Artikel Voisky and ‘ratkogo izobrazhenija processov ili sudebnyh tjazheb’ (From the History of Codification of the Martial Law in Russia in 18th Century)”], in *Lex russica*, 2, pp. 113–121.

Serov, D. O. (1996) *Stroiteli imperii: ocherki gosudarstvennoj i kriminal'noj dejatel'nosti spodvizhnikov Petra I* [The Builders of the Empire: Essays on Governmental and Criminal Practices of Peter's the Great Associates]. Novosibirsk: Izd-vo Novosib. un-ta.

Serov, D. O. (2009) *Sudebnaja reforma Petra I: Istoriko-pravovoe issledovanie* [Peter's the Great Court Reform: Historical and Legal Research]. Moscow: Zertsalo-M.

Sobornoe ulozhenie 1649 goda [The Cathedral Code of 1649] (1961) Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta. Available at: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649.htm> (Accessed: 01 July 2023).

Solodkin, I. I. (1966) *Russkoe ugovnoe pravo v konce XVIII — pervoj treti XIX vekov* [Russian Criminal Law in the End of the 18th — First Third of 19th Centuries]. Leningrad.

Ukazy vsepresvetlejshej, derzhavnejshej, velikoj gosudaryni imperatricy, Ekateriny Alekseevny samoderzhicy vserossijskoj, sostoyavshiesya s genvarya po iyul' mesyac 1763 goda. Napechatany po vysochajshemu eya imperatorskago velichestva povelениyu [The decrees of the most illustrious, sovereign, great Empress, Catherine Alekseevna autocrat of All-Russia, held from January to July 1763 / printed by her Imperial Majesty's highest command] (1764) St. Petersburg.

Информация об авторе: Мария Святославовна Петрова — аспирант, старший преподаватель Школы исторических наук Факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Адрес: Российская Федерация, 109028, Москва, Покровский бульвар, д. 11.

Information about the author: Mariia S. Petrova — PhD student, Senior lecturer at School of History, Faculty of Humanities, National Research University “Higher

School of Economics” (HSE University). Address: 11 Pokrovsky Blv., Moscow, 109028, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 30.07.2023;
одобрена после рецензирования 01.09.2023;
принята к публикации 10.09.2023.

The article was submitted 30.07.2023;
approved after reviewing 01.09.2023;
accepted for publication 10.09.2023.